

Посвящение

Эта книга посвящена храбрости, которая живет в сердце каждого человека. Людям, которые когда-либо задумывались о смысле своего существования и обрели его. Тем, кто несправедливо пострадал от рук других или храбро стоял за тех и за то, во что они верили, любили и ценили выше всех благ.

Она посвящена людям, которые не дошли до конца предназначенного пути.

Тем, кто пережил страшный опыт и сохранил веру в себя и людей, надежду и любовь — не сломался, не ушел, не предал свои идеалы. Людям, которые заплатили высокую цену за известные нам права и свободы, но остались с высоко поднятой головой.

Я посвящаю эти слова, строки и мысли людям, чьи имена могут быть неизвестны по эту сторону вечности, но которые мужественно боролись за правосудие, справедливость, права и свободы, веря, что жизнь — это дар. Любая жизнь. Каждая жизнь.

Я посвящаю эту книгу тем, кто не чужд сочувствию, кто умеет разглядеть душу в человеке, что бы ни скрывалось за внешним фасадом. Тем, кто увидит за описанием порой не самых приятных вещей в этой книге

Веру, Надежду и Любовь, а также тягу к справедливости — на этих трех китах она и стоит, и зиждется вся жизнь...

Эта книга посвящена тебе, читатель!

Она посвящается всем тем, кто сопереживал, поддерживал, молился и ждал! Тем, кто ушел в ожидании... Тем, кто дождался, но ушел, так и не прочитав ее...

Я выражаю особую благодарность российскому Министерству иностранных дел и его представителям, Марии Бутиной и ее семье, Елене Волковой, Евгению Викторовичу Пригожину, Максиму Шугалею и его команде Фонда защиты национальных ценностей, Ивану Мельникову, Алексею Геннадьевичу Демину, Денису Васильевичу Майданову, Игорю Викторовичу! Моим родным, близким, друзьям! И конечно же, спасибо самым дорогим и любимым женщинам в моей жизни — бабушке и маме!

Вместе мы сила!

Введение

Мы не видим вещи такими, какими они являются.

Мы видим их такими, какими являемся мы.

Анаис Нин

Я провела в молчании семь лет: практически пять лет из них — в «молчаливом» браке; два с половиной года — в тюремном заключении, из них более года — в тюремном изоляторе наедине с собой. Место, где я посмотрела в лицо всем страхам, всей боли, узнала истинные веру, надежду, любовь прошлого и настоящего. Место, где я боролась за свою жизнь: за каждый новый день, за каждый вздох. Место, где я постигла все самые тайные уголки разума и души.

Прежде всего, под всем и среди всех историй скрывается тишина — просторная, безграничная и таинственная в своем существовании. Она всегда присутствует. Мы боимся полной тишины, поскольку она напоминает о состоянии смерти, и все же жаждем ее в качестве нашего обновления. Она невидима, но существенна, так как ее нельзя уничтожить. Ее можно не заметить или покрыть шумом внутренних и внешних образов и мыслей, но она остается здесь после

того, как все остальное пришло и ушло. Ей нельзя научиться, потому что это область, в которой все знания возникают и исчезают. Безмолвное осознание — неизменная составляющая тишины.

Когда язык используется для передачи тишины, слов не может быть достаточно...

Некоторые из нас не выбирают молчание. Меня заставили замолчать. Ранее мне отказали в возможности высказаться, отказали в помощи. Моя способность справиться с полученным опытом подавлялась... Я получала повторную травму каждый раз, когда меня заставляли замолчать.

Опыт голоса для меня, как правило, заключался в том, что слова ранее использовались обидчиками и воспринимались как оружие. Слова использовались для разделения и принижения меня, а не для соединения и расширения возможностей. Я опасалась, что меня накажут только за слова — любые слова. Однако я поняла, что сам факт того, что я чего-то боялась, являлся твердым доказательством того, что этого не происходило.

Если мы не будем рассказывать свои истории, другие расскажут их за нас; истории могут понять превратно; рассказы о нас будут использованы во вред. Говорят, что есть два способа быть обманутыми: один — верить в то, что неправда; другой — отказаться верить в правду.

У меня есть реалии моего прошлого — реалии не только семьи, работы, любви, но и реалии мужественно перенесенных страданий. «Если не умеешь летать — беги. Если не умеешь бегать — иди. Если не можешь ходить — ползи, но что бы ты ни делал,

ты должен продолжать двигаться вперед»¹. И я двинулась вперед. Вперед, к своей свободе! К свободе своих тела, духа и души!

Мы, пережившие ужас — надругательства, физическое насилие, психологические пытки, эмоциональные манипуляции или пренебрежение, плен... — не первое поколение выживших. Мы не первое поколение, чьи знакомые, родные, близкие, супруги или посторонние сочли нас достойными жестокого обращения. Никто не сказал нам прямо, как выжить: это знание хранится в глубокой наследственной памяти, в тех клетках, которые знают, как выжить, когда все остальное говорит о смерти. Мы — люди с прожилками правды, которые прошли через что-то ужасное только для того, чтобы прожить остаток своей жизни, неся эти воспоминания в своем теле, в своем дыхании.

Работа избранных — жить и процветать после насилия, — медленная и прекрасная, часто остается совершенно незамеченной. Это работа семени, которое извергает дыхание под землей. Я осознала, что «человек должен искать то, что есть, а не то, что, по его мнению, должно быть»².

События, которые произошли в моей жизни, помогли найти то, что есть. Помогли мне найти себя и выбрать свой путь. Расскажу притчу.

Однажды человек пришел к пророку Элиасу. Пытаясь узнать самое важное, человек спросил:

— Я бы хотел увидеть Рай и Ад.

¹ Мартин Лютер Кинг Младший.

² Альберт Эйнштейн.

Элиас взял человека за руку и подвел его к двум дверям. Открыв одну, они увидели большой круглый стол с огромной чашей в центре. Чаша была наполнена пищей, которая пахла настолько аппетитно, что заставляла рот наполняться слюной. Вокруг стола сидели люди — казалось, что они были обессилены, больны или умирали от голода. У каждого к руке была прикреплена ложка с длинной-предлинной ручкой. Они легко могли достать еду, но не могли поднести ложку ко рту. Вид их несчастья просто поражал.

— Только что ты видел Ад, — сказал пророк.

Они подошли ко второй двери. Открыв ее, они увидели такой же круглый огромный стол, такую же большую чашу, наполненную вкусной едой. И даже у людей вокруг стола были точно такие же ложки. Но все выглядели довольными, сытыми и счастливыми.

— Я не понимаю, — сказал человек.

— Это просто, — ответил Элиас. — Эти люди научились кормить друг друга. Те же думают только о себе.

Я выбрала свой путь — путь помощи людям! Надеюсь, эта книга откроет ваши глаза не только на мою жизнь, но и на вашу жизнь и жизнь других людей, а также поможет объединить наши пути!

Финляндия

15 декабря 2018 года

Санкт-Петербург, Россия. Аэропорт Пулково. Я и мама летим в Барселону с пересадкой в Хельсинки. В аэропорту Ванта в Финляндии к нам

подходят два сотрудника аэропорта. Они запрашивают наши паспорта и просят следовать за ними, что мы и делаем. Мы оказываемся в пограничной зоне, где пассажиры проходят регистрацию для пересечения границы. Наши паспорта передаются сотрудниками аэропорта пограничникам, в них ставятся штампы о въезде в страну. Не совсем понятно, зачем это нужно. Далее нам говорят проследовать за сотрудниками аэропорта. Маму оставляют в комнате ожидания, я следую за сотрудниками аэропорта. Меня приводят в комнату для допросов. Без окон. Белую. Со столом и стулом, приваренными к полу. Мои вещи забирают для досмотра. Я остаюсь в пустой комнате со своими мыслями наедине. Почему я здесь? Может, это какая-то ошибка? Да нет же, это точно какая-то ошибка!

В комнату для допросов заходят двое мужчин в коричневых пальто. Будто из ларца. Они говорят, что являются сотрудниками криминальной полиции Хельсинки. Говорят, что это обычная проверка. Говорят, чтобы я не нервничала и что вскоре я смогу продолжить свой путь. Говорят, говорят. Следует вопрос:

— Нарушали ли вы когда-нибудь закон в странах Европейского союза?

— Насколько мне известно, нет, — отвечаю я, понимая, будучи сама юристом, что существуют различия в законодательных системах.

Они покидают комнату. Минуты тянутся мучительно долго. Я теряюсь в догадках, почему меня задержали. Когда тебе ничего не объясняют, ты начинаешь сама додумывать, это вполне естественно. Вариант 1 — моя работа. Я работаю в международной

IT-компании. У нас есть довольно крупные заказчики как за рубежом, так и в нашей стране. Я отвечаю за финансовую сторону вопроса. Конечно, везде есть свои неофициальные законы — *tricks of trade*, как говорится, — но ни с чем незаконным я не связана. И не могу быть связана. Официальная зарплата. Официальные сделки. Явно не вариант.

Вариант 2 — я что-то не то сотворила за границей. Я посетила более двадцати стран. Но у меня даже штрафов за переход в непопозволенном месте не было.

Вариант 3 — мой бывший жених. Вспомнилась история. Однажды я летела на конференцию в Швейцарию. Конференция проходила в Цюрихе. Я опоздала на самолет, и мой вылет был перенесен на следующее утро. Я поехала ночевать к своему жениху. Мы были помолвлены уже порядка двух лет, но вместе не проживали, так как он был сотрудником американского посольства и гражданином Америки. Назовем его мистер Смит. Мы познакомились в США, когда я там проживала. В этот же период мистер Смит подавал документы для получения работы на американское правительство. Работу он получил, и по контракту его направили на два года в Москву работать в американском посольстве. Он предложил поехать вместе в Россию. Я согласилась. Москва — это город, где я училась и жила до своего отъезда в Америку и где на тот момент проживала моя семья. Однако по приезде в Россию оказалось, что я и мистер Смит не можем проживать совместно. Это было запрещено условиями его контракта. Мы могли видеться три раза в неделю. Этот факт, конечно же, меня расстроил, однако мистер Смит убедил меня, что время

пролетит незаметно. Сотрудники американского посольства на тот момент проживали не только на территории посольства, но и в отдельно стоящем огороженном поселке. Мой мистер Смит проживал как раз в поселке. Туда я и поехала ночевать, потому что оттуда мне было ближе добираться до аэропорта. Дом находился на берегу озера. Где-то недалеко начался пожар. Всю ночь вертолет МЧС летал к озеру и черпал воду из него для борьбы с пожаром. Всю ночь в доме тряслись стекла. Всю ночь я не могла заснуть. Первым рейсом до Швейцарии я вылетала в Цюрих с пересадкой в Женеве. С собой у меня были ручная кладь с женскими мелочами, один комплект одежды на смену и более ста карт памяти, где была записана презентация моей компании, которую я представляла на тот момент. На паспортном контроле сотрудница пограничной службы, открыв мой паспорт, не поверила, что это я. На фотографии в паспорте я выглядела свежо. Реальность оказалась куда более суровой. Бессонная ночь оставила отпечаток на моем лице.

Женщина начала задавать мне вопросы, выказывая сомнение в том, что я владелица паспорта. Паспорт был биометрическим, и я попросила, чтобы была отсканирована сетчатка моего глаза. На это сотрудница аэропорта сообщила, что сканер не работает. В тот момент я не знала, что делать, и предположила, что именно таким образом может чувствовать себя преступник, пойманный с поличным. Дальше — больше. Открыв мою сумку, сотрудники аэропорта обнаружили карты памяти. Начались бесконечные вопросы: что я везу, зачем и почему в таких количествах? Разу-

меется, в 04.00 мое начальство спало крепким сном. Поэтому я приступила к решению вопроса самостоятельно. Я начала показывать сайт компании, в которой я работала на тот момент, рассказывать, чем мы занимаемся, и вкратце декламировать всю презентацию, которая была записана на картах памяти. Далее я предложила посмотреть любую из карт памяти, где они могут сверить презентацию. Безусловно, в 04.00 сотрудники аэропорта, как и мое начальство, тоже хотели спать. Поэтому, поверив мне на слово, любезно пропустили меня на посадку. Это был один из самых неприятных и напряженных инцидентов в моей жизни, связанных с аэропортом.

Неужели мистер Смит оказался в чем-то замешан? И меня хотят вызвать как свидетеля? Ведь он занимал довольно высокую должность, а на войне все свидетели хороши? Впрочем, я знаю, что он сейчас в Бельгии, мы не так давно переписывались.

Вариант 4 — муж. Муж?..

Июнь, 2014 год. Вашингтон, DC. Я на крыше одного из лучших ночных заведений в центре города на Коннектикут-авеню. Странное чувство... Оборачиваюсь. На меня смотрит мужчина. Он азиат, его мускулатура развита, стрижка идеальна, одет с иголки. В его осанке видны дисциплина и военная выправка. Его глаза темные, глубокие, грустные и серьезные, взгляд загадочный и магнетичный...

Июнь, 2014 год. Вашингтон, DC. Джорджтаун. Исторический район, расположенный на северо-западе Вашингтона, округ Колумбия, М-стрит. Эта улица является одним из основных торговых коридоров Джорджтауна, где расположены брендовые

магазины, бары, рестораны. Моя подруга пригласила меня на ужин в один из этих ресторанов в кругу ее знакомых.

В мягком свете ресторана нас встречает он — мужчина с загадочным взглядом.

— Джо, — он озарил нас улыбкой Чеширского кота, а в его глазах зажглись искорки...

Муж?.. Возможно, причина в его родословной. Семья мужа принадлежит к королевским кровям, и им пришлось в свое время бежать из Лаоса в период коммунистической революции. Он прошел тяготы бомбежек, бегства и постоянного преследования. В конце концов Америка открыла двери для особ голубой крови. Однако вся его семья не может покинуть Америку, несмотря на то что они являются ее гражданами. А он покинул. И поехал ко мне в Россию.

Я перебираю и раскладываю по косточкам все варианты. Каждый факт может оказаться возможностью. Причиной. Открывается дверь. Мужчина в коричневом пальто возвращается в комнату для допросов.

— Нарушали ли вы когда-нибудь закон в Соединенных Штатах Америки?

— Скажите, что на самом деле происходит, — прошу я.

— У нас есть запрос на ваш арест, — мужчина словно чеканит заученный текст.

— Что за запрос? Покажите, пожалуйста, документ, на основании которого вы меня задержали, — я стою на своем.

— Следуйте за мной, — говорит мужчина в пальто, будто не слыша моего вопроса.

Я следую за ним по длинным серым коридорам аэропорта. Мы приходим в большую комнату. Компьютеры, факсы и множество людей, корпящих над ними. Здесь же на большом столе разложены мои вещи. И большой яркий оранжевый мандарин. «Господи! Я не задекларировала еду, — моя первая мысль. — Какие здесь законы? Могут ли они счесть, что мой яркий сочный мандарин является биологическим оружием?» Под ложечкой щекочет. Не знаю, почему я думаю об этом; вроде бы глупость, но кажется, что важно.

Ко мне подходит другой сотрудник и выдает очередь из вопросов:

— Как вас зовут? Ваш рост? Вес? Цвет глаз? Цвет волос?

Это вызывает во мне раздражение, потому что цвета волос и глаз очевидны, а рост и вес я не проверяла уже долгое время. Я подозреваю, что они пытаются переложить любую ответственность на меня: записывать все с моих слов и в случае предоставления неточной информации обвинить меня во лжи. Но по какому поводу? Почему мне никто ничего не объясняет? Это сбивает меня с толку.

— Следуйте за мной, — говорит мужчина в коричневом пальто.

— А можно я возьму с собой мандарин? — вдруг неожиданно для себя выпаливаю я.

— Да, конечно, — так же неожиданно для меня говорит он.

Я беру мандарин и следую за мужчиной в коричневом пальто. Я неосознанно сжимаю его в руке, как некий талисман. Мужчина вновь приводит меня в комнату, в которой я находилась ранее.

Я прошу его разрешить повидаться с мамой.

— Не положено, — монотонно бубнит он.

— Могу ли я где-то покурить? — спрашиваю я, помня, что видела комнату ожидания рядом с курилкой, когда меня вели по катакомбам. Моя мама должна быть в комнате ожидания. Да, вот мой шанс с ней увидеться и передать мою просьбу.

— Да, конечно.

— У вас есть сигареты?

— Сейчас принесу.

Спустя несколько минут он возвращается с сигаретой в руках.

Я оказалась права. Я вижу маму в стеклянном помещении. Она меня тоже видит. Она понимает не больше моего. Спрашивает меня, что происходит. Мне нечего ей ответить. Прошу ее срочно связаться с посольством России. Я вижу ее растерянное лицо, ее глаза, наполненные страхом, болью, переживаниями. Я хочу поддержать ее, но не знаю как.

Курить меня больше не отпускают. Я сижу в комнате с прибитыми к полу столом и стулом уже два часа. Без обоснований. Без оглашенных причин. На моем столе лежит яркий оранжевый мандарин. Я смотрю на него, кручу в руках, нюхаю. И думаю о грядущем Новом годе, о грядущем Рождестве. О празднике в кругу близких, хоть и круг наш небольшой, но всегда такой близкий и родной.

Через два часа дверь открывается. В комнату для допросов заходят двое мужчин в синей униформе. На униформе светится надпись «Интерпол». Международная полиция. Что все это значит, непонятно. Никаких документов мне не предоставляют. Мужчины держат по автомату наперевес.